

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

79
1773—1873.

ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ
ПУГАЧЕВЩИНЫ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ЛОНДОНЪ.
ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ВПЕРЕДЪ“.
1874

5.

1773—1873.

~~~~~  
ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ  
ПУГАЧЕВЩИНЫ.

~~~~~  
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.
~~~~~

~~~~~
ЛОНДОНЪ.
ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ВПЕРЕДЪ“.
1874

Star 1020.2.19

✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY
FEB 13 1940

2

Старое общество имѣетъ свои юбилеи. Оно празднуетъ память царей и хищниковъ, память кровавыхъ избиеній народа, память мнѣическихъ проповѣдниковъ сверхъестественнаго догмата или рабовъ-хвалителей существующаго порядка.

Новое общество народнаго социализма будетъ имѣть свои юбилеи. Оно должно помнить, какъ предки нынѣшнихъ борцовъ за лучшую будущность человѣчества боролись и гибли, страдали и терпѣли, вырабатывая то сознаніе необходимости социальной революціи, которое теперь

устанавливается между ихъ потомками. Оно должно помнить страницы мартиролога народовъ.

Старое общество гордится громкими именами своихъ героевъ-деспотовъ, героевъ-эксплуататоровъ, героевъ-лакеевъ.

У насъ мало именъ, мало личностей. Мы припоминаемъ великія дѣла толпы, страданія массъ.

Празднуйте память Екатерины; празднуйте память Бибикова; празднуйте память расхищенія Польши... Мы перечитываемъ ту страницу исторіи, на которой записана Пугачевщина...

1773 — 1873.

ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ

ПУГАЧЕВЩИНЫ.

Годъ, когда наше „Впередъ“ выступаетъ предъ читающею публикою, есть годъ, завершающій столѣтіе послѣ двухъ историческихъ событій, которыя слѣдуетъ припомнить читателю.

Значеніе ихъ весьма различно для исторіи, какъ и мѣсто, придаваемое имъ историками; особенно же различно это значеніе для насъ — русскихъ. Между тѣмъ ихъ точка исхода была въ обоихъ случаяхъ одинаково мало-важна; первоначальное явленіе нарушало одинаково самымъ грубымъ образомъ существовавшій и законами установленный общественный порядокъ.

Одно изъ этихъ событій вызываетъ радост-

ныя воспоминанія обширной, передовой націи
 міра, симпатію историковъ, потому что оно
 послужило началомъ ряду непрерывныхъ по-
 литическихъ побѣдъ, точкою исхода для осно-
 ванія и для развитія одного изъ громаднѣй-
 шихъ государствъ міра; оно напоминаетъ
 объ успѣхахъ и только объ успѣхахъ; внѣш-
 нимъ результатомъ его былъ, повидимому,
 безостановочный прогрессъ. Между тѣмъ для
 историка-мыслителя, уяснившаго себѣ идеаль
 современности, значеніе этого событія измѣ-
 няется: оно было дѣйствительно событіемъ
 мировымъ; дѣйствительно послужило началомъ
 блестящему періоду исторіи человѣчества;
 но всѣ успѣха, весь блескъ, все развитіе
 этого періода были исчерпаны въ тотъ крат-
 кій вѣковой промежутокъ, который отдѣляетъ
 1773 годъ отъ 1873. Геніальные умы, лично-
 сти съ глубокимъ, энергическимъ убѣжденіемъ
 были представителями этого движенія; исто-
 рикъ не можетъ не остановиться съ уваже-
 ніемъ предъ этими героями человѣчества.
 Но ни геній, ни самоотверженное убѣжденіе
 дѣятелей не могутъ придать прочности тому,
 что не имѣетъ будущаго, тому, что состав-
 ляетъ эфемерный фазисъ въ развитіи чело-
 вѣчества, тому, что не коренится въ самой
 сущности слагающихся, нравственныхъ,
 развивающихся потребностей человѣка. Этотъ
 блестящій періодъ человѣческой исторіи, со
 всѣми великими дѣятелями, его воплощавшими

въ жизнь человѣчества, принадлежитъ невозвратному *прошедшему*.

Другое событіе наступающаго юбилейнаго года вызываетъ своимъ напоминаніемъ возмущеніе однихъ, горькую мысль другихъ. Для большинства историковъ, это не только явленіе не міровое, но даже для Россіи, гдѣ оно совершилось, это какой то случайный, болѣзненный процессъ, припадокъ бѣшеннаго помѣшательства, о которомъ они стыдятся вспомнить, котораго гнушаются, какъ историческаго позора. Для кровавыхъ побѣдителей это — не болѣе какъ безобразная оргія животныхъ инстинктовъ невѣжественной толпы. Для озлобленныхъ побѣжденныхъ это — воспоминаніе о тяжелой неудачѣ, о краткихъ грезахъ побѣды, за которыми послѣдовала усиленный жизненный гнетъ. Это событіе не вызвало никакого явнаго, блестящаго, историческаго развитія; иностранный историкъ и не отмѣтилъ его. Оно вспыхнуло кровавымъ, пожирающимъ, истребительнымъ пламенемъ, охватившимъ на нѣсколько мѣсяцевъ обширный край; освѣтило пропасть бѣдствій русскаго народа, непрочность и лицемеріе русскаго императорства; грозило уничтоженіемъ всему господствовавшему обществу строю. Но черезъ годъ это пламя потухло и прошедшее осталось жить лишь въ памяти народной, въ легендѣ бѣднаго люда, въ озлобленіи приверженцевъ власти, на ми-

нугу имъ поколебленной. Въ этомъ движеніи не было героевъ, записавшихъ свои имена на блестящія страницы человѣческаго развитія; въ его составѣ хаотически смѣшивались элементы отсталыхъ началъ, давно-пережитыхъ человѣчествомъ эпохъ исторіи, доисторическіе фазисы мысли, животныя инстинкты первобытнаго человѣчества. Но въ этомъ мимолетномъ эпизодѣ исторіи Россіи, въ этомъ грубомъ врывѣ негодованія массъ лежала вѣчно-живая, вѣчно-нравственная, исторически-творческая потребность человѣка рѣшать вопросы общественнаго строя не въ ихъ эфемерныхъ формахъ, а въ ихъ основной постановкѣ, въ ихъ нераздѣльной связи, въ ихъ цѣльной зависимости другъ отъ друга, потребность бороться со зломъ и искать воплощенія справедливости въ казни этого зла и въ радикальномъ истребленіи его основъ. Поэтому здѣсь лежало единственно-возможное для человѣчества *будущее*.

Припомнимъ же точку исхода этого блестящаго обще-человѣческаго *прошедшаго*, совершившаго теперь свой вѣковой циклъ и умирающаго на нашихъ глазахъ въ агоніи неизлѣчимаго истощенія силъ.

Припомнимъ и кровавое начало этого великаго *будущаго*, которое, какъ мы надѣемся, есть будущее не только для нашей родины, но и для всего человѣчества.

Отдадимъ заслуженную честь умирающему.

Обратимъ наши ожиданія, наши мысли, наши труды, на живое, на то, что *должно* наступить, *должно* осуществиться.....

Прошедшее.

18 декабря новаго стиля 1773 года толпа людей, одѣтыхъ и выкрашенныхъ, какъ краснокожіе индіанцы Америки, овладѣла въ гавани Бостона кораблями, нагруженными чаемъ, который слѣдовало оплатить податью, непризнанною англо-американцами, выгрузила 340 ящиковъ съ чаемъ и бросила въ море весь чай, въ нихъ заключавшійся, цѣною въ 18.000 фунтовъ стерлинговъ (около 130.000 рублей).

Это былъ возмутительный произволъ, возмутительный беспорядокъ съ точки зрѣнія легальности; это былъ грабежъ чужой собственности; это было насиліе противъ лицъ, дѣйствовавшихъ вполне законно, подъ защитою конституціи, которая была признана лучшею и либеральнѣйшею во всемъ мірѣ въ эту эпоху; это былъ явный и грубый протестъ противъ этой конституціи, которою гордились англичане, гордились и ихъ поселенцы въ Америкѣ.

И этот грубый, насильственный, мятежный поступок был совершен людьми англо-саксонского племени, знаменитаго своимъ уваженіемъ къ законности. Онъ былъ совершенъ въ присутствіи тысячъ зрителей; они спокойно смотрѣли на дѣйствія мятежниковъ и спокойно разошлись по домамъ послѣ этого. Онъ былъ совершенъ съ вѣдома, при сочувствіи значительной части населенія, и за нѣсколько часовъ передъ этимъ въ старой южной церкви Бостона раздавались слова: „Насъ спасетъ не тотъ духъ, который одушевляетъ насъ въ настоящую минуту. То, что мы сдѣлаемъ сегодня, поведетъ за собой такія событія, которыя потребуютъ совершенно инаго духа для нашего спасенія. Имѣйте въ виду окончательный результатъ. Взявсь-те и обсудите все здраво, прежде чѣмъ рѣшиться...“ — „Мы не отступимъ“, отвѣчали изъ толпы.

Рѣшеніе было принято. Результатъ обдуманъ. Бостонцы не отступали. Они знали, что на ихъ сторонѣ самые замѣчательные самые осторожные, самые проникательные умы Америки. Они знали, что передъ твердою волею націи законъ есть безправіе, насиліе — обязанность, мятежь получаетъ значеніе революціи.

Они начали революцію. Это была та революція, которая дала начало Сѣверо-Американскимъ Штатамъ,

Мало того. Они начали революціонный періодъ исторіи человѣчества, періодъ, который, послѣ Вашингтоновъ и Гемилтоновъ, вызвалъ Дантоновъ и Робеспьеровъ, вызвалъ тайный союзъ карбонаріевъ и громадныя петиціи чѣртистовъ, прошелъ бурю въ тридцатыхъ годахъ отъ Сены до Вислы, поднялъ новую бурю въ 1848 году въ большинствѣ государствъ западной Европы и заключился бойнею іюньскихъ парижскихъ дней, окончательнымъ расколомъ народа и буржуазіи, окончательнымъ противурѣчіемъ между задачами социальныхъ и политическихъ революціонеровъ, затѣмъ долгою агоніею политическихъ партій, чтобы въ шестидесятыхъ годахъ уступить свою роль новому періоду, провозгласившему въ 1864 году солидарность рабочихъ всѣхъ странъ, а въ 1871 году автономію коммунъ.

Это былъ не буйный порывъ накипѣвшихъ народныхъ страданій. Это было воплощеніе въ дѣло теоретическихъ понятій, выработанныхъ рядомъ мыслителей и государственныхъ дѣятелей; дѣйствіе, логически вытекавшее изъ работы мысли предыдущаго времени. Независимая національность, крѣпко сложенная вокругъ уважаемаго закона, около конституціи, дающей возможно болѣе свободы личности; устраненіе религіознаго принужденія, которое тяготѣло надъ средними вѣками; устраненіе личнаго деспотизма государей,

который разросся въ Европѣ съ XV-го по XVIII-ый вѣкъ; политическая жизнь, опирающаяся на самыхъ широкихъ, прирожденныхъ, неистребимыхъ правахъ личности, — таковъ былъ идеалъ общежитія, который выработали лучшіе умы человечества къ концу XVIII-го вѣка, идеалъ, который долженъ былъ, по мнѣнію вѣровавшихъ въ него, привести прочное благополучіе странъ, гдѣ онъ былъ бы осуществленъ, идеалъ, который пыталась осуществить группа высшихъ умовъ и энергическихъ характеровъ, выработанныхъ въ англо-саксонскихъ колоніяхъ Сѣверной Америки.

И обстоятельства сложились для нихъ исключительно счастливо. Между патріотическими руководителями движенія не возникло той мелкой, личной борьбы самолюбія, которая, раздробляя усилія, парализуетъ слишкомъ часто лучшія общественныя движенія. Общество оказалось достаточно развитымъ и воспріимчивымъ, чтобы возстать по призыву руководителей, и достаточно чуткимъ къ превосходству и къ искренности этихъ руководителей, чтобы пойти за ними. Совершилась рѣдкая историческая комбинація. Нашлись люди. Нашлась удовлетворительная среда. Исторически выработанный идеалъ былъ осуществленъ почти такъ, какъ былъ задуманъ.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ мятежнаго уничтоженія нѣсколькихъ ящиковъ чая въ

Бостонѣ, 14 октября 1774 г., на конгрессѣ въ Филадельфіи была принята декларация правъ, по которой постановлено, что жители англійскихъ колоній сѣверной Америки, по непреложнымъ законамъ природы, на основаніи англійской конституціи и различныхъ хартій, „имѣютъ право на жизнь, свободу, собственность, и не уступали никакой иностранной власти права распоряжаться всѣмъ этимъ безъ ихъ согласія.“ „Мы, дѣйствительно, свободны, и имѣемъ право на это“, писали американцы въ адресѣ англійскому народу.

Въ мартѣ 1775 г. Патрикъ Генри говорилъ колеблющимся: „война началась!“ 19 апрѣля произошла первая схватка. 15 іюня Георгъ Вашингтонъ былъ избранъ главнокомандующимъ. Ему дано было полномочіе арестовать каждаго, кого онъ найдетъ врагомъ своего народа, съ единственною оговоркою; „вы должны всегда прежде всего заботиться, чтобы англійская свобода не погибла.“ Ему могли довѣрить подобную власть, и ему довѣрили ее.

4 іюня 1776 года перестали существовать англо американскія „колоніи“, и явились на сцену исторіи Соединенные Штаты, въ знаменитой декларациі, провозглашавшей, что „всѣ люди созданы равными между собою“, что всѣ они имѣютъ неотъемлемыя права „на жизнь, на свободу и на счастье“.

Чрезъ шесть съ половиною лѣтъ Англія

признала независимость новаго государства, и 1-го іюня 1785 года вступала въ Сентъ-Джемскій дворець посланникомъ къ Георгу III его бывшій подданный, Джонъ Адамсъ.

Но молодому государству грозили другія опасности. Его финансы находились въ полномъ разстройствѣ. Въ 1780 году за одинъ металлическій долларъ давали 11.000 долларовъ бумажками. Армія, которой не выплачивали жалованья, была недовольна. Отношенія центрального правленія союза къ мѣстнымъ правленіямъ были крайне неопредѣленны и вызывали ежедневныя внутреннія и внѣшнія неудобства. Когда Франція дала инсургентамъ Америки шестнадцать милліоновъ долларовъ, то она довѣрила ихъ не правительству Америки, не государству, а личности Георга Вашингтона. Была минута въ 1783 г., когда армія была призвана анонимными письмами къ мятежу, была готова къ нему; минута, когда счастливый военачальникъ-побѣдитель могъ сдѣлаться повелителемъ новаго государства, при помощи преданной ему арміи. И здѣсь личность Вашингтона имѣла, если не рѣшающее, то опредѣляющее вліяніе. Тотъ самый, кто, принимая диктаторскую власть, сказалъ: „я постоянно буду имѣть въ виду, что шпага была нашимъ послѣднимъ средствомъ для защиты свободы, и что она есть первая вещь, которую мы отложимъ въ сторону, когда эта свобода бу

дѣть упрочена“, — тотъ сѣумѣлъ и сдержать свое слово. Онъ остановилъ убѣжденіемъ мятежные порывы арміи. Онъ спокойно простился съ войскомъ, которое готово было идти за нимъ. Онъ, по словамъ Байрона, „былъ первымъ и послѣднимъ лицомъ въ исторіи“, подавшимъ примѣръ, что можно держать въ рукахъ диктатуру и не злоупотребить ею. Америка имѣла особенное счастье имѣть такого человѣка во главѣ своего войска и своего правленія въ самыя трудныя минуты своего развитія; и ея армія, недовольная, нуждающаяся, имѣла достаточно сдержанности, чтобы послушаться Вашингтона.

Еще труднѣе былъ вопросъ объ отношеніи конгресса къ штатамъ. Въ 1783 году, въ годъ признанія новой республики Англією, лордъ Шеффилдъ могъ съ достаточнымъ основаніемъ говорить: „конгрессъ, это — тѣнь; штаты, они въ разладѣ другъ съ другомъ... Изъ этого хаоса никогда не возникнетъ государства.“ Въ 1786 году кризисъ дошелъ до своего апогея. Опасность возстанія, опасность распадѣнія союза казалась неминуема. Но и тутъ представители американской мысли: Вашингтонъ, Фрэнклинъ, Мэдисонъ, Гэмилтонъ выступили съ проектомъ новой конституціи. Конгрессъ въ февралѣ 1787 года заявилъ предъ нацією свое безсиліе. „Если когда либо — пишетъ Токвиль — Америка сѣумѣла возвыситься до той высокой степени славы,

на которой хотѣло бы ее поставить въ нашихъ глазахъ гордое воображеніе ея жителей, это было въ торжественную минуту, когда правленіе націи какъ бы отказывалось отъ власти.“ Нація, въ лицѣ господствующихъ классовъ, чутко отвѣтила на этотъ призывъ, и съ 1787 года по 1789 выработалась та конституція, которая до сихъ поръ существуетъ. Эта конституція поставила Сѣверо-Американскіе Штаты на первое мѣсто между государствами міра; развила въ нихъ политическую привлекательность, вслѣдствіе которой туда идутъ „утомленные Европой“ (Europamüden) эмигранты всѣхъ странъ, чтобы забыть въ Америкѣ свою національность, свои мѣстные вопросы и сдѣлаться только американцами; выработала въ Америкѣ громадное политическое могущество, высшее развитіе экономическихъ силъ въ формѣ свободной конкуренціи капиталовъ; позволила союзной республикѣ перенести безъ труда кровавую войну противъ сепаратистовъ-рабовладельцевъ и тяжелый денежный кризисъ, изъ нея слѣдовавшій, словомъ приблизила Сѣверо-Американскіе Штаты къ идеалу органическаго государства на столько, на сколько могло приблизиться къ нему реальное политическое цѣлое съ его искусственными и неизбежно принудительными формами.

Въ то самое время, когда Америкѣ зводила въ дѣйствіе новую конституцію (4 марта

1789 г.), оканчивая періодъ *своей* революціи, начиналось великое революціонное движеніе въ Европѣ. Третье сословіе объявило себя народомъ. Провозглашены были „права человека“. Пропаганда республики пошла по Европѣ во имя „свободы, равенства и братства.“ Пламенная лирика сдѣлала военную французскую пѣснь Марсельезы революціоннымъ гимномъ Европы. Французская республика отреклась отъ христіанства, какъ она отреклась отъ монархіи. Она создала культъ разума. Она не испугалась штурма для утвержденія новой эры, съ которой она рѣшила начать лѣтосчисленіе новаго міра. Она имѣла за себя остроуміе Демулена, женскую страстность г-жи Роланъ, безыюндную раздражительность Мара, энергію Дантона, военный геній Гюна, широкую мысль Мюжика и Кондорсе, организаторскій умъ Карно, могучую рѣчь Робеспьера. Она, послѣ американской конституціи, искала искренно идеальнаго государственнаго строя въ рядѣ новыхъ конституцій, въ новомъ кодексѣ, въ новыхъ учрежденіяхъ.

Испуганная кровавыми сценами французской революціи, другія державы стремились къ той же цѣли мирнымъ путемъ. Англійскій парламентъ издавалъ рядъ все болѣе и болѣе либеральныхъ законовъ. Въ 1830 году началось попытка наданія разнаго рода хартій и конституцій съ цѣлью наилучшаго осуще-

ствленія наилучшаго политическаго строя, наилучшѣйшихъ государственныхъ отношеній. Бенхамъ пытался написать идеальный всеобщій кодексъ. Въ народы и въ правительства проникла мысль о революціонной передѣлкѣ всего распредѣленія государственныхъ территорій на основаніи національнаго обособленія. Въ 1848 г. Франція снова провозгласила республику. Парламентъ высокоученыхъ профессоровъ собрался во Франкфуртѣ для созданія наилучшей возможной конституціи. Парламентъ славянъ собрался въ Прагѣ. Въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ власть должна была временно уступить политическимъ радикаламъ. И съ тѣхъ поръ до нашего времени, при непрестанныхъ политическихъ волненіяхъ, опираясь на данныя историческаго опыта и на размышленіе, тридцать собраний народныхъ представителей, монархистовъ, республиканцевъ, политиковъ всѣхъ видовъ и всѣхъ цвѣтовъ трудятся надъ отысканіемъ этого философскаго камня политической алхиміи, — наилучшей конституціи, которая доставила бы государству — прочность, обществу — спокойствіе и благоденствіе... Хотя ряды замѣчательныхъ политическихъ дѣятелей порѣдѣли, хотя трудно поставить политиковъ первой половины XIX-го столѣтія рядомъ съ великими американскими патриотами, съ пламенными трибунами Франціи девятидесятыхъ годовъ, но нельзя отрицать, что и

туть было употреблено въ дѣло много таланта, много политическаго смысла и политической изворотливости, даже иногда не мало истиннаго патріотизма и искренняго желанія отыскать въ политической перестройкѣ благо человѣчества.

И къ чему пришла эта вѣковая работа?

Цѣль геніальныхъ и самоотверженныхъ стараній политическихъ революціонеровъ обихъ полушарій оказалась не только недостигнута, но недостижима. Философскій камень въ политикѣ столь же мало существуетъ, какъ и въ химіи. Нѣтъ и не можетъ быть политической конституціи, которая дала бы прочность, спокойствіе и благоденствіе обществу. Нѣтъ и не можетъ быть юридическаго кодекса, который установилъ бы справедливыя отношенія между людьми.

Всѣ политическіе революціонеры, какъ всѣ политическіе реформаторы, оставили въ сторонѣ *одинъ* вопросъ, до котораго они не смѣли касаться въ своихъ революціонныхъ программахъ, въ своихъ реформаторскихъ начинаніяхъ. То былъ вопросъ *соціальный*. То была святыня личной собственности. То была семья съ ея наследственною монополіею, съ ея патріархальнымъ преданіемъ.

Но этотъ *одинъ* вопросъ заключалъ *все*.

Въ этомъ *одномъ* вопросѣ лежала вся масса несправедливыхъ отношеній между людьми.

Во имя святыни личной собственности накоплялись богатства и наслажденія въ исключительномъ меньшинствѣ, окруженномъ голодающимъ и вырождающимся большинствомъ. Во имя этой святыни развивалась фабричная эксплуатація работника. Во имя ея миллионы страдали для обогащенія немногихъ, миллионы вымирали отъ истощенія силъ, отъ чрезмѣрнаго труда. Во имя ея сѣялась неумолимая вражда между вѣчно-страдающимъ пролетаріемъ и постепенно-развращающимся биржевымъ спекуляторомъ. Во имя святыни семьи развивалась эксплуатація женщины мужчиною, бракъ обращался въ продажу и куплю, проституція становилась неизбѣжнымъ элементомъ общежитія.

И этотъ *одинъ* вопросъ, оставленный въ сторонѣ, вносилъ во всякую конституцію безсиліе для устроенія блага народовъ. Этотъ одинъ вопросъ обращалъ въ наглуемую ложь всѣ кодексы, писанные для воплощенія на землѣ правды.

Когда монополія богатствъ, монополія наслажденій, монополія силы была отдана на произволь личности, то всякая нравственная связь во имя идеи, всякое уваженіе къ общему закону, къ общей конституціи, всякая любовь къ общему отечеству рухнула предъ всемірною борьбою за обогащеніе.

Въ борьбѣ за обогащеніе капиталистъ обращалъ въ орудія спекуляціи и конституцію,

и законъ, и званіе представителя народа, и должность министра исполнительной власти, и мѣсто дипломата, и право судьи. Продавалась государственная тайна, какъ продавался голосъ въ парламентѣ. Продавалось оружіе, собранное въ арсеналахъ на защиту страны. Продавалось отечество. Продавалась республика. Продавались народы. Продавалось все, что находило искупщика за приличную цѣну.

Конституціи стали орудіями официальной торговли своимъ положеніемъ для лицъ господствующихъ сословій, орудіями систематической эксплуатаціи народовъ толпою спекуляторовъ и говоруновъ безъ убѣжденій.

Кодексы стали общепринятыми формами притѣсненія большинства, узаконенными приѣмами извращенія правды.

Патріотизмъ сталъ вывѣскою тѣхъ, которые съ наибольшою ваглостью хотѣли высосать соки изъ бюджета своей родины, тѣхъ, которые стремились внести въ свой народъ наиболѣе невѣжества и дикости, отодвинуть его далѣе по пути реакціи.

Старая животная борьба за существованіе, сдержанная на время поклоненіемъ общимъ богамъ, уваженіемъ къ общимъ идеямъ, любовью къ общимъ связующимъ началамъ, вспыхнула снова подъ именемъ свободы конкуренціи. На биржахъ боролись крупные капиталы; въ безнадежной борьбѣ гибли капи-

талы мелкіе передъ денежными Левіафанами. Горе слабому, горе честному въ борьбѣ! Все-го болѣе горе пролетарію, рабочей скотинѣ капиталиста!

Быстро разъяла эта социальная борьба со-зданіе старыхъ патріотовъ и государствен-ныхъ дѣятелей, думавшихъ основать царство свободы и правды.

Царство буржуазіи, установившееся во вто-рой четверти XIX-го вѣка, было въ то же время періодомъ всеобщей политической продаж-ности, разрушенія всѣхъ политическихъ убѣж-деній, заграженія всѣхъ политическихъ идей. Поразительныя явленія представляла въ этомъ отношеніи Франція Людовика Филиппа, но Франція второй имперіи съумѣла превзойти ее. Процессы министровъ въ Австріи скан-дализировали міръ, но продажность членовъ конгресса Сѣверо-Американскихъ Штатовъ не уступала никакимъ торговцамъ своимъ офиціальнымъ положеніемъ въ западной Ев-ропѣ или даже въ Россіи. Ничтожны были въ своихъ политическихъ идеяхъ доктринеры и либералы сороковыхъ годовъ, тори и виги временъ Пальмерстона и Дерби, но и въ по-зорное время, слѣдовавшее за вѣнскимъ кон-грессомъ, нельзя было ожидать, что можетъ выработаться такое идиотическое собраніе представителей великаго народа, какъ то, ко-торое засѣдаетъ теперь въ Версаля; нельзя

было ожидать, что распаденіе партій доведетъ политическихъ дѣятелей Англии до такого ничтожества, которое мы видимъ въ настоящую минуту; нельзя было думать, что блистательная литература и философское развитіе Германіи дозволить ей когда либо такъ лакейски ползать у ногъ Гогенцолерновъ и Бисмарковъ, какъ она ползаетъ теперь; нельзя было думать, что главный центръ дѣятельности карбонаріевъ, выработывавшій Маццини и Гарibaldi, станетъ такою пошлою сценою пошлыхъ политическихъ интригъ, какою сдѣлалась Италия Виктора Эмануила въ наше время.... Фатально и неизбежно шла впередъ гангрена общества; фатально и неизбежно разлагался политическій міръ, созданный великими революціями конца XVIII-го столѣтія....

Теперь во всемъ современномъ политическомъ мірѣ Европы и Америки нѣтъ ни одного замѣчательнаго политическаго дѣятеля, въ честности, искренности и патриотизмѣ котораго нельзя бы было усумниться, а сколько тѣхъ, которые почти явно продаютъ и продавали свое вліяніе, свое убѣжденіе, своихъ приверженцевъ, свой народъ....

Между всеми политическими законодательными собраніями Европы нѣтъ *ни одного*, которое бы не представляло самой безобразной картины личныхъ интригъ, отсутствія

убѣжденій, позорныхъ спекуляцій, отсутствія всякаго человѣческаго достоинства....

Изъ всѣхъ конституцій, дѣйствующихъ въ мірѣ, нѣтъ ни одной, которая бы не отдавала народъ на эксплуатацію капиталиста и государства...

Во всѣхъ кодексахъ, которымъ подчинены цивилизованные народы, нѣтъ ни одного закона, который не сдѣлался бы орудіемъ неправды....

И оно иначе быть не можетъ, потому что *политическіе* революціонеры и реформаторы не вснулись *соціального* вопроса, а въ этомъ вопросѣ все.... Они провозгласили свободу, пригласили всякаго сдѣлаться силой. Они уважали силу въ богатствѣ. Они вызвали борьбу за обогащеніе, и въ этой борьбѣ погибли всѣ великія политическія начала, ими созданныя.

Періодъ политическихъ революцій исчерпалъ свою программу. Государственная форма оказалась безсильна предъ общественнымъ зломъ. Конституція и кодексы обратились въ пустыя формальности. Наслѣдники Вашингтоновъ и Адамсовъ, Дантоновъ и Каррелей, Чатамовъ и Кеннинговъ открыли публичный торгъ въ законодательныхъ палатахъ.... Соціальный вопросъ разбилъ, разрушилъ, мохоровилъ политическія созданія революціоннаго періода.

Но социальный вопрос явился не только могильщикомъ предшествующаго періода. Онъ явился и создателемъ; онъ поставилъ вопросы будущаго. Онъ вышелъ на площадь съ Бабефомъ, развернулъ предъ народомъ утопическій міръ Фурье и Сен-Симона, разжегъ проповѣдь клубовъ 1848 года, заявилъ свою непримиримую вражду буржуазной политикѣ въ июнскіе дни, и въ организаціи Интернаціонала, въ прокламаціяхъ парижской коммуны провозгласилъ міру, что періодъ политическихъ революцій заключенъ, что будущее принадлежитъ революціи социальной....

Ba (seu)

Почти въ память великихъ борцовъ минувшаго, героевъ законченнаго періода. Они честно дѣлали свое дѣло и не имѣютъ ничего общаго съ продажными политическими пигмеями, съ болтунами безъ убѣжденій, которые занимаютъ теперь ихъ мѣста. Политическія революціи не имѣли даже на столько жизненности, чтобы дать въ продолженіи стать замѣчательныхъ дѣятелей. Онѣ сами осудили себя. Но онѣ начинались во имя великихъ задачъ человѣческаго прогресса, во имя вѣчныхъ задачъ правды. Онѣ стали пропавшимъ, но онѣ подготовили будущее....

Миръ невозвратному прешедшему!....

Будущее.

18 сентября стараго стиля (29 новаго) того-же 1773 года предъ Яицкимъ городкомъ впервые развернулись бѣлыя знамена съ раскольничьимъ осьмиугольнымъ крестомъ, и появился первый изъ указовъ „Петра III, императора всероссійскаго“, въ которыхъ онъ жаловалъ вѣрныхъ яицкихъ казаковъ рѣками, морями и лѣсами, крестомъ и бородою, деньгами и провѣантомъ и вѣчною вольностью. Новоявленный императоръ требовалъ покорности и приглашалъ казаковъ, татаръ, калмыковъ въ свое войско, для возвращенія ему престола, отнятаго у него женою. Его войско состояло изъ 140 человекъ, за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ изъ 60. Онъ шелъ противъ громадной имперіи, имѣвшей обширное войско, искусныхъ полководцевъ; противъ имперіи, которая простирала свои виды на Константинополь, начинала расхищеніе Польши; противъ имперіи, во главѣ которой стояла женщина, замѣчательная по уму, по характеру и по образованію.

Безграмотный донской казакъ, Емельянъ Пугачевъ, начиналъ войну противъ этой „европейской“ имперіи, въ которой образованный классъ не уступалъ въ роскоши, развратѣ и

гостинной ловкости придворнымъ Людовика XV, Георга II и Августа сильнаго; восхищался остроуміемъ „Философскаго лексикона“ и пламеннымъ краснорѣчіемъ „Новой Элоизы“; зналъ послѣднюю остроуту, высказанную въ салонѣ г-жи Жоффренъ противъ Христа и Моисея и глоталъ политическія теоріи Монтескье, Руссо, Беккариа, авторовъ, которые доставили матерьялъ и для знаменитаго „Наказа“ Екатерины.

Противъ этихъ началъ „цивилизациі“ онъ поднималъ символъ отсталаго религіознаго взгляда, взгляда раскольниковъ, которые толковали о какихъ то старыхъ книгахъ, о двуцерстномъ крестѣ, о сугубой аллилуѣ...

Противъ умной, ловкой и привлекательной императрицы, которая старалась всѣми силами, чтобы русскіе забыли о ея нѣмецкомъ происхожденіи, выдвигался призракъ голштинскаго идіота, промелькнувшаго незамѣтно ни для кого на престолѣ, вѣчно окруженнаго своими нѣмцами, и мысль котораго шла не далѣе игры въ прыжные солдатки, или повѣшенія крысы по приговору военнаго суда, когда она съѣла одного изъ членовъ этой арміи, достойной своего повелителя.

Къ народу, который петербургское императорство измучило неслыханнымъ усиленіемъ крѣпостничества; къ народу, который ненавидѣлъ солдатчину, какъ самый жестокой способъ пожиранія его дѣтей; къ народу,

который был оскорблен нѣмецкими обычаями господствующихъ классовъ, обращался самозванецъ во имя петербургскаго императора - нѣмца, обожателя самой пошлой солдатчины.

И что имѣлъ за себя этотъ самозванецъ? Личную привлекательность, которая еще въ острогѣ окружила его преданными людьми, еще тогда возбудила къ нему особенную симпатію раздавателей милостыни, и потому дала ему возможность поддерживать свою трудную роль въ кругу своихъ разнородныхъ сподвижниковъ. Безкорыстіе, которое побуждало его раздавать почти всю добычу приверженцамъ и оставило его въ послѣднюю минуту съ четырьмя золотыми, зашитыми въ платѣ. Но этого было слишкомъ мало для дерзкаго предпріятія, имъ начатаго. А у него не было даже той энергической воли, которая подчиняетъ все окружающее. Съ перваго же горда, гдѣ начались казни во имя императора Петра Федоровича, вѣшались не онъ, вѣшали его окружающіе, не приводя даже свои жертвы на его судъ. „Мы, Ваше Величество, знаемъ, кого можно простить и кого повѣсить“, отвѣчали ему на совѣтъ „не губить безвинныхъ“. Когда настала самая серьезная минута борьбы, съ приходомъ войскъ, съ неутомимою дѣятельностью нѣмца Михельсона противъ представителя народа русскаго; когда на обширномъ

пространствѣ поднялось крестьянство и образовались отряды подъ начальствомъ энергическихъ предводителей; когда судьба возстанія, судьба народа русскаго, какъ судьба самого Пугачева, зависѣла отъ такой концентрировки силъ возставшаго населенія и вооруженныхъ отрядовъ, чтобы окружить, раздавить малочисленные и деморализованные войска, привезенные издалека для дѣйствія противъ мятежниковъ; въ минуту, когда сила характера, умѣнье подчинить себѣ другихъ, умѣнье сдѣлаться центромъ и руководителемъ обширнаго движенія были крайне необходимы, императоръ-самозванецъ не выказалъ даже попытки организовать силы народа, связать и подчинить себѣ несогласныя дѣйствія возбужденной толпы и энергическихъ шаекъ, которыя не имѣли никакого общаго военнаго плана, да мало и знали одна о другой.

При этой отсталости мотивовъ, при несостоятельности предводителя, при несимпатичности призрака, имъ вызваннаго, казалось бы, что успѣхъ самозванца даже временный былъ совершенно невозможенъ; что самая попытка безумна; что около бѣлаго знамени съ раскольничьимъ крестомъ сойдутся, быть можетъ, два, три фанатика — да и то пойдутъ ли за императоромъ-нѣмцемъ, за императоромъ антихристомъ? — пожалуй, десятка два той понизовой вольницы, которая шла за

Кулагой и за Замѣтаевымъ; но сдѣлаться историческимъ, народнымъ это движеніе не въ состояніи...

Но на дѣлѣ оказалось иное....

Безграмотный казакъ въ нѣсколько мѣсяцевъ поставилъ великолѣпную имперію сѣверной Семирамиды на край гибели. Одно имя Петра III поднимало народъ, парализовало войска, отворяло Пугачеву города, и не разъ волновало Русь и прежде и послѣ Пугачева. Его „имперія“ къ лѣту 1774 года простиралась на сотни квадратныхъ миль. Его министры, секретари и полководцы превосходили сообразительностью и энергіею дѣятелей Екатерины. Его манифесты читались съ большею охотою народомъ, чѣмъ манифесты Екатерины и указы сената. Его нетерпѣливо ждали въ Москвѣ. Его трепетали въ Петербургѣ. Изъ Москвы дворянство уже начало бѣжать въ Тверь. Императрица не считала себя безоасною. Подметныя письма являлись въ самомъ дворцѣ.

Дѣло было въ томъ, что выступалъ не одинъ претендентъ на императорскій престолъ на мѣсто другаго, но народъ на мѣсто императорства. Начиналось не царство Емельяна Пугачева или „великаго государя, Петра III всероссійскаго“; начиналась пугачевщина, возстаніе народа русскаго противъ его вѣковыхъ притѣснителей и кровосійдъ.

Дѣло было не въ раскольничьемъ крестѣ.

Самозванца и его атамановъ встрѣчало и православное духовенство съ хоругвями; онъ шелъ и въ „никоніанскія“ церкви; убивали поповъ, какъ убивали всякихъ враговъ народа, но нѣтъ свѣдѣній о фанатическихъ дѣйствіяхъ противъ церкви и формъ „никоновской ереси“. Раскольники думали воспользоваться начинавшимся движеніемъ, и, конечно, воспользовались бы имъ въ нѣкоторой степени, но ихъ элементъ въ пугачевщинѣ очень быстро отступилъ на второй планъ, и мысль объ основаніи новаго царства въ формахъ „старой вѣры“ едва ли приходила серьезно кому либо изъ дѣятелей этого времени.

Многіе ли вѣрили, что Пугачевъ — Петръ III? Многіе ли знали, чѣмъ былъ Петръ III? или даже помнили черезъ десять лѣтъ послѣ убійства жалкаго голштинца, что былъ на свѣтѣ когда либо Петръ III?—Но дѣло было не въ немъ. Если бы Пугачевъ назвался Владиміромъ краснымъ солнышкомъ, или Ильею пророкомъ, или Ерусланомъ Лазаревичемъ, оно было бы немногимъ хуже, чѣмъ принятіе имъ на себя имени убитаго въ Ропшѣ императора. Чья бы подпись ни стояла подъ манифестами, лишь бы въ нихъ была „воля“, „вѣчная вольность“, „истребленіе помѣщиковъ“, народу было все равно.

А въ манифестахъ Пугачева стояли эти великія слова. Въ этихъ манифестахъ безграмотнаго казака, шедшаго подъ знаменемъ

нелѣпаго вѣрованія, подписывавшагося фантастическимъ именемъ идиота, никому вслѣдствіе, было болѣе жизненныхъ общественныхъ началъ, болѣе крѣпкихъ залоговъ, неотвратимыхъ грозныхъ пророчествъ для будущаго, чѣмъ во всѣхъ гуманныхъ „Нанавзахъ“, даже во всѣхъ либеральныхъ и радикальныхъ проповѣдяхъ противъ алтаря и престола, раздававшихся на берегахъ Темзы, Сены и Делавара.

Эти проповѣди были проникнуты остроумной критикой и силой мысли, изощренной высокою цивилизаціею. Ихъ говорили люди глубоко-убѣжденные, искренніе борцы за истину и справедливость, гуманные противники средневѣковой іерархіи и королевскаго деспотизма. Но въ этихъ проповѣдяхъ шло дѣло о свободѣ мысли для меньшинства развитыхъ людей, о политическихъ правахъ меньшинства, которое вынесено было трудомъ и страдаіемъ массъ на историческую дѣятельность. Борьба шла между двумя кружками, жившими на счетъ большинства, одолженными этому большинству всѣмъ своимъ развитіемъ, всѣми своими силами. Съ одной стороны были грубые хищники, тупые защитники нелѣпаго догмата. Съ другой стороны были представители силы научной и философской мысли; силы закона, равнаго для всѣхъ, кто умѣетъ имъ пользоваться; силы капитала, доступнаго всѣмъ, кто умѣ-

етъ нажить его. Конечно, должны были побѣдить послѣдніе, и они побѣдили. Конечно, эта побѣда была человѣчна, прогрессивна, желательна. Но она была лишь небольшимъ эпизодомъ въ борьбѣ за торжество справедливости въ мірѣ; мгновеннымъ фазисомъ при переходѣ власти отъ одного меньшинства къ другому. Научная и философская мысль, устанавливая права науки противъ религіи, права цивилизованныхъ классовъ противъ произвола Людовиковъ и Павловъ, находилась на самой элементарной, азбучной ступени развитія. Она могла только тогда считать свой вопросъ надлежащимъ образомъ поставленнымъ, когда она выработала бы міросозерцаніе, доступное всему человѣчеству, не теряя своей глубины и всеобъемлемости; когда она обратилась бы въ науку для вѣсти, не жертвуя ни строгостью истинъ, ни ихъ убѣдительностью, ни ихъ критическою силою. Она только тогда могла закончить правильно циклъ своихъ вопросовъ, когда бы научно поставила вопросъ о наилучшемъ общественномъ строѣ въ виду полноправія и всестороннихъ потребностей всего населенія. Законъ и капиталъ, орудія борьбы, имѣли право лишь на эфемерное мѣсто въ исторіи періода борьбы; они должны были замѣниться формами иныхъ общественныхъ отношеній въ эпоху, которая поставила бы на первое мѣсто благо настоящаго народа, всего народа.

Но именно о потребностяхъ и правахъ большинства не думали борцы просвѣтители въ Европѣ и Америкѣ. Прочный, живой элементъ ихъ борьбы отступилъ въ ихъ глазахъ предъ элементомъ эпизодическимъ, эфемернымъ.

Просты и грубы были манифесты Пугачева, но они имѣли въ виду интересы массы народа; они имѣли въ виду вопросы, которые одни были важны, одни были понятны для этихъ массъ, вопросы „воли“ и „земли“, вопросы о дешевой соли, объ истребленіи помѣщиковъ. Эти основные, элементарные вопросы справедливаго общественнаго строй не нуждались въ научной и философской обработкѣ. Они были доступны доисторическому человѣку, какъ крестьянину XVIII-го столѣтія. Но ихъ отложила на будущее политически-выработанная мысль періода политическихъ революцій. Она занялась исключительно предварительными вопросами о правахъ *выработанной* личностью мысли, *приобрѣтенной* личностью общественной силы, и оставила слѣдующему періоду установить право для массы *вырабатывать* свою мысль, *быть* общественною силою. — Безграмотный самозванецъ пошелъ далѣе: онъ объявилъ, что народъ *есть* сила, что ему *принадлежитъ* воля и земля, т. е. средства развитія. Именно потому въ грубыхъ и невѣжественныхъ его манифестахъ была *прочная* жизнь, было

будущее. Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ лежала *окончательная* судьба общественной науки.

И побѣда Пугачева не была вовсе невозможна. Если бы Пугачевъ или одинъ изъ его товарищей обладалъ тѣмъ подчиняющимъ, организаторскимъ умомъ, который позволяетъ создать стройное цѣлесообразное цѣлое изъ страстнаго взрыва народа; если бы сотни отрядовъ и шайекъ, которыя бродили по берегамъ Волги, истребляя помѣщиковъ и чиновниковъ, были руководимы хорошо-рассчитанною волею, то Михельсонъ былъ бы задавленъ, Цыплетевъ уничтоженъ; а они *одни* отстояли Екатерину. Если бы Михельсонъ не устоялъ, расчетливые донцы нашли бы, вѣроятно, для себя выгоднымъ признать Петра Федоровича, кто бы онъ тамъ ни былъ. А колебались, можетъ быть, не одни донцы. Знаменитости военныя, славныя своею быстротою и энергіею, какъ бы нарочно теряли время. Не приходила ли и имъ мысль о томъ, что народъ въ Россіи слишкомъ страдаетъ, что народное царство возможно.... Но остановимся на пути гипотезъ. Безспорно, что одинъ-два успѣшныхъ боя, парализація Михельсона — и бѣлое знамя съ осмиугольнымъ крестомъ появилось бы на Кремль; а тогда.... что осталось бы тогда изъ екатерининской имперіи?

Эта имперія была гнила до костей подъ парчевыми кафтанами своихъ вельможъ, подъ фальшивыми блестками похвальныхъ одъ придворныхъ повтовъ, подъ кровавыми трофеями грабежа Польши, войны съ Турціею. Она не достигла даже до степени годнаго политическаго механизма. Въ трудную минуту у нея не было ни дѣятельной администраціи, ни надежной арміи, ни распорядительныхъ мѣстныхъ властей, ни годныхъ военачальниковъ. Въ ней все было фальшь и обманъ, начиная съ европейскаго лоска петербургскихъ крѣпостниковъ, до европейскихъ формъ ея продажнаго, невѣжественнаго и соннаго мѣстнаго управленія. Въ ней была одна реальность: неисчислимыя, все растущія страданія народныя; глубокая, все растущая ненависть его къ его притѣснителямъ. И на эту-то реальность оперся Пугачевъ; эта реальность поддерживала его въ продолженіи года, не смотря на всѣ отсталые, нестройные элементы, входившіе въ его предприятие; эта реальность доставила бы ему побѣду, если бы онъ самъ принадлежалъ дѣйствительно къ дѣятелямъ, выходящимъ изъ ряду вонъ по организаторскому генію, если бы онъ сумѣлъ не только поднять, но и организовать, руководить массы. Нестройная имперія Екатерины, съ ея румянами и всеобщею фальшью, могла рухнуть подъ взрывомъ накипѣвшей злобы народа.

Эта злоба была велика, и за взрывомъ послѣдовали кровавыя, варварскія сцены. Будемъ желать, чтобы въ день будущаго возстанія народныхъ массъ противъ ихъ эксплуататоровъ, эти сцены не повторились; чтобы народъ нашелъ въ себѣ достаточно сдержанности, и не маралъ честныхъ рабочихъ рукъ изысканными казнями тѣхъ, которые станутъ безсильны и ничтожны, какъ только онъ *сознаетъ* свою силу, *организу-етъ* ее и *употребитъ* въ дѣло. Прошедшее дѣлаетъ исполненіе этого желанія даже въ нѣкоторой степени вѣроятнымъ. При всѣхъ побѣдахъ демократіи, ея мстительность оказывалась всегда гораздо слабѣе мстительности противной партіи. Можетъ быть, это была ошибка, отъ которой народу слѣдуетъ исправиться и отъ которой онъ исправится, такъ что стихъ Луизы Мишель „за одну жертву мы потребуемъ тысячи“, можетъ осуществиться при новой побѣдѣ парижскаго народа. Великую тризну, можетъ быть, отпразднуетъ и русскій народъ въ день своего полнаго господства на русской землѣ. Но, можетъ быть, это милосердіе демократіи, начиная съ Тразивула, овладѣвшаго Аѳинами, до парижской коммуны 1871 г., есть естественный, неизбѣжный законъ социологіи, который долженъ осуществиться, будетъ осуществляться, и именно своимъ осуществленіемъ указываетъ, гдѣ должна быть оконча-

тельная, прочная побѣда. Пишущій эти строки искренно желаетъ, чтобы оно было такъ.

Но если оно не будетъ такъ, то побѣда все таки должна быть одержана, все таки желательна, все таки одна прогрессивна. Число падающихъ жертвъ въ этомъ случаѣ зависитъ отъ накипѣвшей злобы, отъ долговременности и изысканности притѣсненія. Не та жертва падаетъ, которая заслужила судьбу свою. На эту судьбу обрекло ее своими дѣйствіями общество, къ которому она принадлежала. Въ день, когда Россель и Феррѣ съ ихъ двумя товарищами падали подъ пулями на равнинѣ Сатори, каждый парижскій буржуа, сядя за столъ обѣдать со своими дѣтьми, долженъ былъ спросить себя: не будутъ ли мои дѣти некупительными жертвами за сегодняшнее убійство? Природа неразумна и исторія неразумна въ своихъ частностяхъ: очень вѣроятно, что останутся цѣлы и Галифѣ и Тьеръ, и вся эта кровавая, грязная сволочь, которую называть не хочется; удалось же умереть отъ болѣзни Муравьеву, Гайнау, Людовику Наполеону. Но въ цѣломъ исторія разумна: за совершенное зло она въ данную минуту возьметъ свою долю жертвъ, счетомъ головъ, вѣсомъ крови, суммою страданій. Этотъ расчетъ постигнетъ нынѣшнее общество космополитическихъ эксплуататоровъ, постигнетъ нынѣшнюю императорскую Россію. Онъ постигъ и екатерининскую помѣщичью Россію.

Разсчетъ былъ варварскій, но его требовала исторія, потому что отношеніе помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ было варварское; надо, впрочемъ, думать, что судьба нынѣшнихъ эксплуататоровъ некрѣпостнаго населенія Россіи въ пору ихъ казни будетъ нѣсколько сносиве, чѣмъ судьба ихъ дѣдовъ-крѣпостниковъ въ годъ пугачевщины.

Разсчетъ былъ варварскій, но кто воспиталъ варварство въ русскомъ народѣ? кто истязалъ его до того, что онъ потерялъ и долженъ былъ потерять всякую жалость, всякое человѣчное чувство къ своимъ истязателямъ?

Не та ли помѣщица, которая уморила ребенка кормилицы своего сына, чтобы этотъ барчонокъ не кормился однимъ молокомъ съ „хамовымъ отродьемъ“?

Не другая ли, которая не давала соли своимъ „людямъ“?

Не тотъ ли помѣщикъ Скосыревъ, который насилывалъ систематически своихъ крѣпостныхъ?

Если эти люди погибли страшною смертью, то не сами ли они своими поступками подтвердили ту надпись, которую можно было прочесть надъ ихъ тѣлами, качавшимися на мачтѣ: „собзачій родъ дворянъ“?

А какая малая, ничтожная доля владѣевъ, раззорявшихъ, продававшихъ, проигрывавшихъ, истязавшихъ, ссылавшихъ, убивавшихъ

своихъ крѣпостныхъ, своихъ солдатъ, своихъ подчиненныхъ, въ это время погибла отъ мести народной.

Если счесть число народныхъ притѣснителей, народныхъ кровопицъ, погибшихъ отъ руки народа въ продолженіи всего петербургскаго періода, и если бы можно было сравнить это число съ массою жертвъ, ими загубленныхъ въ одно царствованіе Екатерины, то едва ли читатель не нашелъ бы, что народъ былъ весьма, весьма милостивъ въ своей мести.... Мы уже не сравниваемъ количества страданій, перенесенныхъ въ томъ или другомъ случаѣ, потому что ихъ смѣшно и сравнивать: развѣ страданіе *цѣлой жизни* оотень и тысячъ крѣпостныхъ у дурнаго помѣщика можетъ идти въ сравненіе съ мученіями, перенесенными въ продолженіи полчасовой предсмертной агоніи тою или другою личностью?

Кровавая, жестокая, варварская сторона пугачевщины была неизбѣжнымъ элементомъ историческаго бюджета екатерининской Россіи. Пусть нынѣшніе эксплуататоры русскаго народа постараются для себя и для своихъ дѣтей, чтобы долгъ, который имъ придется уплачивать въ *неизбѣжную* минуту разсчета, былъ не такъ великъ. Никто не знаетъ, кому придется быть въ числѣ плательщиковъ. Исторія личностей не знаетъ.

Но кровавыя сцены пугачевщины, столь

же мало, какъ несостоятельность мотивовъ ея видимаго начала, намѣняютъ ея историческій смыслъ. Пугачевы, Чики, Перфильевы, Ивановы были случайностью, какъ была случайностью форма казни того командира или этого помѣщика. Сущность пугачевщины лежала въ требованіи массама народа, массама труженниковъ *себѣ* господства на землѣ, гдѣ они одни трудятся; въ требованіи для *всего народа* средствъ существовать и развиваться. Земля должна принадлежать свободному крестьянству — таковъ былъ смыслъ народнаго движенія, которое поднялось около блага знамени смѣлаго самозванца. Эксплуататоры народа должны погибнуть — вотъ былъ смыслъ кровавыхъ казней, совершавшихся надъ дворянствомъ и чиновничествомъ.

И этимъ началамъ принадлежитъ *будущее*.

Во первыхъ, будущее Россіи. Земля будетъ принадлежать свободному русскому народу. Онъ будетъ имѣть средства, нужныя для человѣческаго развитія. Его враги погибнуть.

Во вторыхъ, будущее человечества. Орудія труда будутъ принадлежать трудящимся. Рабочіе рукъ станутъ и рабочими мозга. Все, что эксплуатируетъ ихъ, осуждено исторіею.

Какъ движеніе, ставшее на сторону народа, на сторону правъ страждущихъ массъ, когда лучшіе умы, самые энергическіе дѣятели міра имѣли въ виду лишь меньшинство, пу-

гачевщина была событіемъ съ болѣе широкимъ, болѣе прочнымъ будущимъ, чѣмъ бостонское возстаніе, которое послужило точкою исхода для республики Сѣверо-Американскихъ штатовъ, для деклараціи правъ гражданина, для провозглашенія правъ человѣка. Это было пророчество *будущаго*.

Екатерининская имперія побѣдила. Смѣлый самозванецъ не сумѣлъ организовать возстанія. Онъ былъ четвертованъ. Кнутъ и пытка, клейма и висѣлицы, острогъ и каторга выпали на долю возставшаго народа. Буря прошла. Въ безсиліи народъ сталъ ждать своего будущаго....

„Я не воронъ; — говорилъ Пугачевъ графу Панину при первомъ допросѣ — я вороненокъ, а воронъ еще летаетъ.“

Точно, онъ былъ вороненокъ, неумѣлый вороненокъ, незнавшій, что за сила кроется въ крыльяхъ, которыя поднимаютъ надъ рутиннымъ обществомъ того, кто становится представителемъ народныхъ страданій, народного ожесточенія, народныхъ правъ....

Онъ не умѣлъ управлять этими могучими крыльями.

Настоящій воронъ будетъ знать силу своихъ крыльевъ, будетъ умѣть управлять ими.

Онъ несетъ на этихъ крыльяхъ будущность
русскаго народа.

Но долго ли этому ворону летать по под-
небесью невидимымъ?

Неужели еще недостаточно гнили въ рус-
скомъ императорскомъ самодержавіи, чтобы
воронъ спустился на мертвый трупъ и вы-
клевалъ ему злые глаза?

Неужели еще мало лицемѣрія, мало стра-
даній, мало неискупимаго зла въ землѣ рус-
ской?

Гдѣ летаешь ты, предсказанный, ожидае-
мый воронъ?

Долго ли русскому народу ждать свое бу-
дущее?

ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА „ВПЕРЕДЪ“.

РУССКИМЪ ЦЮРИХСКИМЪ СТУДЕНТКАМЪ.
1873 г. (Изданіе разошлоь).

„ВПЕРЕДЪ“. — НЕПЕРИОДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.
Годъ первый. Томъ I. 1873 г. (Изданіе разошлоь).

„ВПЕРЕДЪ“. — Годъ второй. Томъ II. —
1874 г. Цѣна 6 s. — d.

ПИСЬМА БЕЗЪ АДРЕСА. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.
1874 г. Цѣна — s. 6 d.

КЪ РУССКОЙ СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЙ
МОЛОДЕЖИ. — Редактора журнала Впередъ.
1874 г. Цѣна 4 s. — d.

1773—1873. — ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ ПУГА-
ЧЕВЩИНЫ. 1874 г. Изд. 2-е. (Перепечатано
изъ I т. журн. Впередъ). Цѣна . . — s. 6 d.

ПО ПОВОДУ САМАРСКАГО ГОЛОДА. Изд. 2-е.
1874 г. (Перепечатано изъ II-го т. журн. „Впе-
редъ“ съ дополненіями). Цѣна . . 4 s. 9 d.

ПЕЧАТАЕТСЯ.

и въ непродолжительномъ времени выйдеть:

„ВПЕРЕДЪ“. — Годъ второй. Томъ III. 1874.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

MAR 23 '70 H

27925
Cancelled

